

Интервью номера Динара Друкарова бросила якорь на Сене

Русский Рубер. 2004. — 11 марта. С. 13

Юрий КОВАЛЕНКО, Париж

28-летняя Динара Друкарова, которую наш зритель знает, в частности, по таким фильмам, как «Замри — умри — воскресни» и «Про уродов и людей», сегодня ходит в «надеждах французского кино». Уроженка Петербурга, она несколько лет назад перебралась на родину кинематографа, где бросила якорь во всех смыслах этого слова, и стала француженкой. Характер Динара имеет веселый и общительный, много снимается, живет со своим спутником Жан-Мишелем и 3-летним сыном Наилем на барже, которая стоит на Сене в парижском пригороде Леваллуа — Перре.

— Как вам живется на воде? В таком образе жизни есть что-то кочевое? По морям, по волнам...

— Мне очень нравится жить в доме, с которым можно в любой момент куда-нибудь уехать, вести кочевой образ жизни. По матери я татарка, и во мне, наверное, говорит кровь моих предков. Вода одновременно дает энергию и успокаивает. Нашей лодке уже 40 лет, у нее было много владельцев, и мой друг купил ее всего пять лет назад. Здесь нет никогда полного спокойствия, ее покачивает, раздаются какие-то звуки, шорохи. То проплывет мимо лодка, то по палубе ходит птичка.

— Имя вашего плавсредства — «Песня мира». Вы случайно не пацифистка?

— Конечно, пацифистка. Помню, еще ребенком, когда меня спрашивали, чего я хочу, я отвечала: «Чтобы не было войны и все люди были бы счастливы».

— Вы часто путешествуете по Сене? Кто у руля и кто отдает швартовы?

— Нет, не часто. Такие путешествия требуют много времени. А у руля стоит человек, который знает эту баржу очень давно. Это настоящий капитан, который сейчас на пенсии. Он с бородой, неразговорчив, курит трубку.

— А вы сами не собираетесь управлять своим кораблем?

— Я недавно получила права, но пока только на управление маленькими моторными лодками.

— Пьер Ришар несколько лет прожил на своей барже на Сене, которая стояла на причале рядом с центральной парижской площадью Согласия, а потом перебрался-таки на землю. Вас не тянет к более оседлому образу жизни?

— Сегодня, когда я вкусила такую свободу, я даже не представляю, как можно жить в замкнутом пространстве квартиры.

— Насколько я понимаю, по образованию вы профессиональная пиарщица. Это помогает вам в жизни саму себя пиарить?

— Да, я закончила Ленинградский электротехнический университет по специальности связи с общественностью — публичных отношений. К сожалению, себя пиарить у меня не получается. Но я

такой человек, которому в жизни приходится все, даже неудачный опыт.

— Выходит, у вас нет за плечами ВГИКа или театрального училища?

— К сожалению, нет, а есть только моя жизненная школа и мои режиссеры, которые меня всему научили. Мне бы хотелось иметь такое образование. Я пробовала поступить в питерский театральный институт, но меня не взяли. Тогда за моими плечами уже было несколько фильмов, и мне сказали, что я девушка слишком киношная.

— Какими путями вы попали во Францию?

— В 1990 году Виталий Евгеньевич Каневский приехал в Канн и получил «Золотую камеру» за фильм «Замри — умри — воскресни». Сама я, правда, тогда не приехала, была слишком мала. На следующий год в Канне Каневский показал «Самостоятельную жизнь», в которой я также снялась, но снова там меня не было. Впервые я попала в Канн на следующий год, когда на фестивальную программу «Двухнедельник режиссеров» включили фильм Жени Лунгина «Ангелы в раю». Там я познакомилась с французским режиссером Паскалем Обье, который пригласил меня на съемки фильма «Сын Гаскони». Эта картина позволила мне заработать немного денег, на которые я попутешествовала и посмотрела мир. Больше всего мне понравился Париж, где я встретила любимого человека и через какое-то время к нему переехала.

— В России вас помнят по двум фильмам — Виталия Каневского «Замри, умри, воскресни» и Алексея Балабанова «Про уродов и людей»...

— К сожалению, мало кто видел мой самый первый фильм «Это было у моря» Аян Гасановны Шахмалиевой. Картина потрясала своей красотой. Правда, я была тогда совсем маленькой — 11-летней... Ну а работа с Алексеем Балабановым, который меня многому научил, была моим вступлением во взрослую жизнь.

— Ваша последняя работа — роль грузинки в первой ленте Жюли Бертучелли «С тех пор, как уехал Отар»...

— Там не роль грузинки, а девушки, которая живет в Грузии, потому что на грузинку я, сами понимаете, мало похожа. Это история трех женщин — бабушки, мамы и дочки, которые живут в современной Грузии со всеми ее трудностями. У каждой из них свое видение мира. У девушки, которую я играю, одна мечта — вырваться куда угодно из Грузии. И прежде всего во Францию, потому что она знает французский. Ей кажется, что это для нее волшебная, обетованная земля. И фильм заканчивается тем, что она остается во Франции.

— Вашу бабушку играет непрофессиональная актриса, которой 90 лет...

— Эстер Гарантен, которая дебютировала в 85 лет в фильме

«Путешествие» Эммануэля Франкеля, с тех пор продолжает все время сниматься. Я пригласила Пашу Лунгина на премьеру «С тех пор, как уехал Отар», чтобы он на меня посмотрел. Он мне сказал: «Все замечательно! Динара — ты просто потрясающая, фильм хороший. Но не могла бы ты мне дать номер телефона Эстер Гарантен? У меня есть для нее роль».

— Жюли Бертучелли была ассистенткой Отара Иоселиани, и ее можно считать его ученицей?

— Да, она работала с Отаром и ездила с ним в Грузию снимать один из его фильмов.

— За роль в ленте «С тех пор, как уехал Отар» вас выдвинули на главную французскую премию — «Сезар», здешний аналог «Оскара». Но вас победила Жюли Делардье, дочь знаменитого актера...

— Еще до «Сезара» я получила приз имени известного актера Мишеля Симона, которая присуждается молодым исполнителям. Само мое выдвижение на «Сезара» было почетным, хотя и немножко странным, потому что эта премия предназначена для совсем молодых актрис, которые дебютируют в кино. А у меня за спиной уже 15 фильмов, и у Жюли Делардье, которой 30, — не меньше. Мы вдвоем чувствовали себя не в своей тарелке. Но этот выбор объяснялся тем, что профессионалам очень понравились фильмы, в которых мы сыграли. Так что теперь я — надежда французского кинематографа. А Россия обо мне забыла.

— Жюли, наверное, помог великий папа?

— Не думаю. На эту же премию выдвигалась и Лора Смет, дочь самого знаменитого французского певца Джонни Халлидея и актрисы Натали Бай. Но выбрали и присудили приз профессионалы кино. Наш же фильм «С тех пор, как уехал Отар» получил «Сезара» за лучший режиссерский дебют.

— Сегодня во Франции так мало хороших молодых актеров, что своей главной надеждой они считают русскую...

— О том, что я «надежда», я говорю, конечно, с юмором. Нет, талантливых молодых актеров достаточно много — просто мало пока достоянию хороших фильмов.

— Прекрасная актриса Елена Сафонова несколько лет прожила во Франции, отлично — хотя и с акцентом — говорила на языке Делона и Бельмондо. Время от времени она здесь снималась, даже играла в Париже в каком-то спектакле, но чувствовала себя неустраивенной. Сафонова мне говорила, что акцент ужасно ограничивает круг ролей. В конце концов она вернулась в Россию...

— Акцент — это проблема номер один для меня. И как бы я хорошо ни говорила, он все равно остается. Это значит, что я не могу играть француженку, а фильмов, где девушки говорят с акцентом, совсем немного. Видимо, для меня главное заключается в том, чтобы достичь такого уровня известности, когда акцент не имеет значе-

ния, как, например, для таких актеров, как Виктория Абриль, Серджио Лопес или Джейн Биркин. Иными словами, мне надо сняться в таком фильме, после которого меня бы все ужасно полюбили и за акцент, и за все, за все прочее и предлагали роли, написанные специально для меня (смеется).

— Случается ли вам отказываться от предложений?

— Конечно. Франция — это страна, в которой делается в год в общей сложности около 500 фильмов, включая телевизионные. И далеко не все хорошие и талантливые. В последнее время мне все предлагали роли девушек, которые приехали во Францию из России или из Восточной Европы, и которым, бедным-несчастным, приходится трудиться на панели. Таких бездарных сценариев я прочитала массу. Отказываюсь не потому, что надо проститутку играть, а потому что очень слабые сценарии.

— Есть ли у вас предложения от русских режиссеров?

— Недавно пробовалась у Сергея Бодрова-старшего, летала к нему в Москву, но, к сожалению, не получилось. Но так хочется вернуться и снова поработать в России. Каждый раз, когда я туда езжу, вижу, как жизнь там бурлит, кипит, всего так много происходит, кино возрождается, и мне очень хочется поучаствовать в этом.

— С кем из наших режиссеров вы хотели бы поработать?

— Еще раз с Алексеем Балабановым и с Валерием Тодоровским.

— Поддерживаете ли вы какие-то контакты с Каневским? Он, кажется, живет во Франции и давно ничего не снимает...

— Да, он живет во Франции, приходил ко мне на премьеру «С тех пор, как Оskar вернулся». Он снимает документальное кино, написал замечательный сценарий, ищет продюсера. Я не думаю, что он в творческом кризисе.

— С российскими режиссерами пока не получается, но вас активно приглашают западные постановщики...

— Я снялась в двух очень хороших фильмах — с американским режиссером Раупом Макги в фильме «Осень» с такими партнерами, как Ирэн Жакоб, Лоран Люка и Мишель Омон. Это психологический триллер про мафию, в котором я играла профессиональную убийцу-киллершу. Хожу и всех убиваю. И это мне так понравилось (смеется). Второй — комедия датчанина Якоба Гренлюкке «Еврейский продавец игрушек», в котором я и моя подруга русская актриса Маша Поликарпова играем двух «эскорт-гёрл».

— Когда вы снимаетесь, вы следите указаниям режиссера или у вас есть своя концепция роли?

— Очень нравится быть податливой «глиной». У меня есть свое видение роли, но направляет всегда режиссер... Когда мне задают такой вопрос, я всегда в смятении и не знаю, как ответить, ибо у всех режиссеров разные методы работы. Есть среди них узурпаторы, другие, напротив, требуют от вас собственного воображения. Каждый раз, как первый. Но в руках плохого постановщика и хороший актер может провалиться.

— Здесь, как и в любой стране, помимо таланта нужны связи, чтобы получить роль. У вас они есть?

— Связи никогда не мешают, но абсурдно считать, что знакомства с тем или иным человеком помогут тебе получить роль. Это непредсказуемая профессия, в которой все зависит от случая. Иногда достаточно появиться в нужный момент в нужном месте, чтобы тебя увидели и захотели с тобой работать.

— Наверное, вам помогает ваш муж-продюсер?

— Жан-Мишель еще и глава известной дистрибуторской компании «Резо-фильм», которая, в частности, выпускает последний фильм Эрика Ромера «Тройной агент», показанный на Берлинском кинофестивале. Словом, я по уши нахожусь в этой кинематографической тусовке, в которой проходит моя жизнь.

— Вы второй раз замужем. Ваш первый муж тоже был француз?

— Сейчас я не замужем. Мой первый муж — француз, очень хороший молодой человек, с которым мы остались друзьями. Он был директором крупной консалтинговой фирмы, которую недавно успешно продал, стал очень богатым и теперь пишет сценарии, музыку и живет в свое удовольствие.

— Почему французы так падки на русских девушек?

— Наверное, в русских есть какая-то изюминка, они не как все. Но нет никаких общих правил, и все очень индивидуально. У каждого своя история. Да и в России французских мужчин принято считать самыми красивыми...

— Заслуженна ли их репутация пылких любовников, донжуанов и казанов, которой они так гордятся...

— Это скорее относится к итальянцам. У каждой нации

свои фантазмы и свои стереотипы. Нет, я не считаю французов рациональными и немножко скуповатыми. Они джентльмены намного больше, чем наши парни. Они умеют ухаживать, с уважением относятся к женщине, что не мешает им при этом оставаться немножко «мачо». Для меня же самый лучший, красивый, умный, талантливый и привлекательный — это мой Жан-Мишель. Мне очень трудно говорить о других, так как я нашла свое сокровище (смеется).

— А ваше сокровище молодое?

— У нас двадцать лет разницы, но он молод душой и телом.

— В какой степени вы вписались во французскую жизнь?

— Я себя очень хорошо чувствую во Франции, и мне было бы сейчас трудно вдруг переехать и жить в России.

— Что значит для вас офранцузиться?

— Значит жить, как все французы, смотреть новости, быть в курсе всех дел, иметь французских друзей, ходить голосовать.

— Вы за кого — за правых, за левых или за троцкистов?

— Я человек левых взглядов. Во Франции творческая интеллигенция обычно «левая».

— Вы воспитываете вашего 3-летнего сына Наиля французом?

— Наиль — имя татарское, означающее «светлый человек». Задача номер один для меня — чтобы он говорил и читал по-русски. У него большое количество русских фильмов. Он наизусть знает «Ну, погоди!», каждый день мы читаем с ним русские книжки. Наиль будет французом, потому что живет во Франции, но я хочу дать ему капельку русской души.

